

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

РУССКОЕ СЛОВО

Почему сегодня русская литература не в чести у власть имущих? Почему по телевидению нет ни литературных вечеров, ни дискуссий с писателями и поэтами? Почему давно отменены поездки писателей по стране с выступлениями и концертами через Бюро пропаганды? Почему нет государственной поддержки ни художественным журналам, ни издательствам, почему по всей России закрываются книжные магазины и библиотеки?

В своё время император Николай I после встречи с Пушкиным сказал своим придворным: сегодня разговаривал с умнейшим человеком. С каким из умнейших писателей хоть раз беседовал Владимир Путин – не спеша, один на один? С Валентином Распутиным, с Василием Беловым, с Юрием Бондаревым, с Александром Прохановым, с Владимиром Личутиным, с Эдуардом Лимоновым, с Андреем Битовым?

Русскую литературу, и не только современную, но классическую давно уже не жалуют власти всех мастей. И я понимаю, почему. Литература им не подвластна. Денежное влияние можно контролировать, чиновничья власть управляется строго по вертикали, а что ты сделаешь гениальному поэту, когда он говорит неудобное властям? Влияние великих писателей никаким властям не подвластно. И поэтому большая русская литература выведена за скобки, в сферу или развлечения, или элитарной игры. “Глаголом жечь сердца людей”, пророчествовать ныне строго не допускается.

Впрочем, так было всегда. Вспомним, как Фёдора Достоевского, приговорили к смертной казни всего лишь за чтение письма Белинского Гоголю. Не за воровство или мздоимство, процветавшие и в те времена, а всего лишь за литературный спор двух великих писателей.

Хорошо, что уже в момент казни на Семёновском плацу царь наш заменил писателю смертную казнь годами каторги. Да и в наши дни отсидел свой срок в тюрьме Эдуард Лимонов, был под следствием Юрий Петухов, а ныне – Олег Платонов, и на меня за беседу с Александром Зиновьевым, опубликованную в газете “День”, возбуждали уголовное дело.

Россия всегда, во все века жила Словом, большой Идеей. Поразительно верно об этом написал наш гений Николай Гумилёв:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Может, потому Бог и наградил Россию великой литературой. Пока жива была в народе Идея, жива была великая литература, жила и Россия. Даже в самые суровые сталинские времена художественное Слово очень ценилось, даже с перебором, за него могли и расстрелять, как Ключева и Мандельштама, могли сослать в Сибирь.

Зато сейчас, с началом разрушительной перестройки, когда была дотла разрушена великая промышленность, ликвидированы тысячи научных центров, разорено сельское хозяйство, разрушено было в России и то самое великое Слово, оно перестало влиять на общество, его власти оградили от народа.

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.*

Как бы нынче ни старались хоть частично восстановить науку и промышленность, пока Слово не будет возвращено былое влияние, без возрождения великой литературы Россия никогда не восстановится. Это новая форма социальной фобии – боязнь писателей, боязнь больших Идей русского народа, боязнь выражения этих Идей в Слове... Сегодня мы наяву видим неадекватные реакции советников по культуре, ненависть к русскому таланту. Для сегодняшнего дня публичному Слово русского писателя поставили предел...

Сколько бы нефти ни лилось, сколько бы газа ни выкачивалось, и даже, не побоюсь это сказать, сколько бы храмов ни открывалось, без достойного доверия к русской литературе не будет и народного подъёма.

Цитируют к месту и не к месту сомнительное стихотворение о немытой России, приписывая его Михаилу Лермонтову. Или советники по культуре у президента такие же “немытые”, или же осознанно Слово поставили пределы?

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Увы, Россия без большой литературы – страна мёртвых слов. И хоть немало в нынешней России талантливейших писателей, держат их где-то на обочине, не допуская до народного сознания. Казалось бы, в любые времена, имей страна таких писателей, как современные живые русские классики Александр Проханов, Владимир Личутин, Анатолий Ким, Виктор Лихоносов, Андрей Битов, Станислав Куняев, таких, набравших полную силу, уверенных в себе лидеров, как Дмитрий Новиков, Захар Прилепин, Алексей Иванов, Евгений Чебалин, Олег Павлов, Алексей Варламов, Светлана Сырнева, талантливейшую молодёжь, вся Россия должна бы погрузиться в их книги, проводить их вечера и фестивали, слушать их живые выступления по телевидению. Но будто бы по какому-то тайному приказу всю русскую талантливую литературу держат на обочине, не допускают до читателя, замалчивают, утаивают. А в центр внимания выставляют ничего не значащих авторов мёртвых слов, таких как Дмитрий Быков или Людмила Улицкая. К СМИ и телевидению допускаются лишь писатели опустелого улья. Впрочем, даже и им, своим любимчикам, власть полную волю не даёт. Я представляю, какие бы жаркие дискуссии в прессе и на телевидении шли по книге Дмитрия Быкова “Один” в былые литературоцентричные времена или по книге Дины Рубиной “Бабий ветер”. Но любая литература – левая, правая, русская или русофобская – сегодня вне общественного внимания. Никакой Константин Эрнст не допустит русских писателей на свой телеканал.

И вот в такое время мёртвых слов неожиданно к разрушителям русской литературы присоединяются священнослужители нашей православной Церкви. Ладно бы обрушились на дурно пахнущее телевидение, на нынешние извращённые выкрутасы псевдоноваторов – нет! Церковные иерархи обрушились на всю великую русскую классику – от Пушкина до Толстого, от Достоевского до Чехова, – решили, воспользовавшись случаем, уничтожить до корня русскую классику. Если бы на уничтожение русской классики накинудись парочка-другая церковных ортодоксов, это было бы не страшно,

но возглавили этот антипушкинский заговор почти все церковные иерархи. . .

Мне скажут: а не попахивает твоя статья борьбой с Православием? Но мы не католики, где Папа Римский — живой наместник Бога на земле. Наши самые высшие церковные иерархи — лишь чиновники, не более. Какой-нибудь далекий от храмов крестьянин или горожанин, учёный или инженер могут быть ближе к Христу, чем фарисействующие церковники.

Отец Всеволод Чаплин, не последний человек в церковной иерархии, прямо сказал: “В начале XX века и потом, конечно же, в советское время из литературы попытались создать эрзац религии. Имело место гипертрофированное почитание одних деятелей “золотого” и “серебряного” века при полном игнорировании других. Многочисленные памятники Пушкину и бесконечное восхваление его на фоне очень скромного отношения к Тютчеву, Батюшкову, Фету, почти полного исключения большинства поэтов, которые всю жизнь были консерваторами. Подчёркивание Толстого и глухавое отношение к Достоевскому. При полном игнорировании Загоскина, Аксакова, Булгарина — подчёркивание, в общем, таких абсолютно второстепенных в литературе фигур, как Герцен. . . Всё это создавало квазирелигию. И я с этой квазирелигией не согласен. Я считаю, что литература — это не священное сообщество. . .”

Во-первых, никто не трактует русскую литературу как религию, и то, что в советское время благодаря писателям мы вспоминали о Боге, это скорее подвиг русской советской литературы, и отнюдь не еретический.

Заявлять сейчас, мол, светская литература вредна для сознания русского человека, отвлекает его от религии, а культ русской классической литературы мешал православному сознанию и был создан искусственно, насаждался сначала интеллигенцией царской России, а затем советской властью — это значит смыкаться с самыми лютыми русофобами, ныне уничтожающими русскость во всех её проявлениях.

Полнейший бред, неожиданно сегодня, в самые тяжёлые для русской литературы времена, утверждаемый ныне высшими церковными иерархами, — будто русская литература хоть где-то когда-то отрицала Бога. Впервые в жизни я прочитал в церковной прессе слово “пушкиноцентризм”, с издёвкой в адрес нашего русского гения. А уж что говорить о Достоевском или Булгакове?

И на самом деле, ещё в 1891 году высокий царский чиновник А. Родонезский в своём докладе для Учёного комитета Министерства народного просвещения вопрошает: “На что деревенскому мальчику, школьнику и простолюдину знать “Демона”?” Прошло сто с лишним лет, а вопрос всё тот же, теперь уже у наших церковных иерархов.

Как утверждает священник Всеволод Чаплин: “Здесь не правы все. В том числе и Достоевский. . . Он ведь один из родоначальников богословского модернизма, на самом-то деле. Более опасный, чем Лев Толстой. Потому что Толстой был явный враг, а Достоевский — гениальный писатель, с совершенно гениальными интуициями как политическими, так и религиозными, но всё же богословский модернист. Деятельная любовь не спасает человека от ада. Как сказал святитель Игнатий Брянчанинов, “добродетели падшего естества нисходят в ад”. Спасают истинная вера и действие самого Бога в человеке, в человеческой жизни, проявляющееся в том числе и через добрые дела, но не только через них. Добрые дела — не главное. Деятельность вообще — не главное. Это то, что должно естественным образом прилагаться к истинной вере и к таинственной, евхаристической жизни человека во Христе. Но если вот этой жизни во Христе нет, то все добрые дела — прах, и даже могут быть опасны, потому что стимулируют гордыню, и тут приходится даже говорить о такой чудовищной антиевангельской вещи, как пиар добрых дел. Почитайте Нагорную проповедь — там такое поведение прямо осуждается! Благотворительность напоказ — это нечто такое, что полностью убивает смысл этой благодетельности. . .”

Наш критик Вячеслав Лютый достойно ответил церковным фарисеям: “В Самаре на чтениях, посвящённых жизни и творчеству нашего поэта, прозвучала речь православного священника, в прошлом обретавшегося на кафедре научного коммунизма или истории КПСС. Главной идеей его наставления была следующая мысль: Пушкин греховен — по жизни и по стихам; учителем сегодняшнему русскому человеку он быть не может; вместо отечественной литературы необходимо читать сочинения святых отцов.

Сказал – ну, и ладно... Мало ли теперь идиотов, проникшихся даже самыми лучшими доктринами...” И далее Лютый продолжил: “Книжность и фарисейство – вот, пожалуй, самые тяжкие недостатки современного духовенства. В этой среде много людей поразительных нравственных и человеческих достоинств, у которых позади – сложный, подчас омытый кровью и смертью товарищей жизненный путь. Они терпеливы в своём подвижническом труде и знают цену человеческим поступкам. Однако рядом часто появляются фигуры мелкотравчатые, стремящиеся возвыситься на церковном поприще. Почти всегда у них прошлые годы наполнены неурядицами скорее житейскими, как раньше сказали бы – мещанскими. Однако лукавый сжимает в кулаке их сердце, и вот уже человек без собственной личности поучает, упрекает, переносит свою и чужую вину на согбенные плечи окружающих мирян. Безо всякого стеснения литературно бездарный Георгий Селин отвергает высокую русскую классику, которая во многом воспитала советского человека в преддверии Отечественной войны, едва не предаёт анафеме философа Георгия Федотова, а уж Льва Толстого в ином своём рассуждении жёстко рекомендует убрать с книжной полки, лапидарно упрощая вопрос об отлучении писателя от церкви, о чём даже в “Православной энциклопедии” сказано в достаточной мере деликатно и подробно.

Перед нами – откровенный в своём чиновничьем бесстыдстве шаг в сторону воцерковления русской художественной литературы. Шаг беспринципный и разрушительный, поскольку традиционно отечественное литературное пространство пронизано токами искусства и Православия...”

Вышла и целая книга церковной публицистики, направленная против нашей великой литературы. Называется “Загадка 2037 года”. Ладно уж никчёмный и бездарный священник Георгий Селин в этой книге распинается о греховности всей литературы, но там же и уважаемый мною, печатаемый в “Дне литературы” поэт, автор блестящих песен иеромонах Роман. Ему-то чем русская литература не угодила? Читаю слова иеромонаха Романа: “Помню, в университете педагог просвещала: “Вот ругают Пушкина за его легкомысленные связи с женщинами. Но зато какие стихи он писал потом!” Оправдала. Как будто на Страшном Суде писание стихов окажется весомее исполнения заповедей Христовых... Достоевский сказал: “Пушкин – наше всё”. Дюже громко... Христос наше всё!”

Опомнитесь, иеромонах Роман! Во-первых, “Пушкин – наше всё” – сказал не Достоевский, а Аполлон Григорьев, глубоко верующий русский человек, а во-вторых, эти слова относились лишь к миру русской литературы. Надо ли Вам так снижать уровень Христа до всего лишь лидера литературы? Может, Вы его ещё лучшим булочником или лучшим аптекарем назовёте? “Пушкин – наше всё” в литературе, Сеченов – в медицине, Чайковский и Рахманинов – в музыке, а вот уже над всем миром, в небесной вышине – Христос наше всё! И в-третьих, не надо сравнивать самые лучшие стихи с заповедями Христовыми, опять же, Вы их этим, сами заповеди Божьи, сильно понижаете. Оставим Богу – Богово, кесарю – кесарево, а поэту – поэзию. Не надо видеть в великой русской литературе врага Божьего.

Почитайте статью Георгия Селина: “Если пушкинская звезда непреложно будет стоять над Россией, то придёт 2037 год, который во столько раз будет страшнее 1937 года, во сколько раз телевизор и интернет громче поют льстивые песни об империи и свободе, чем пел их поэт Пушкин”.

В авторском предисловии к сборнику всё тот же священник Селин пишет: “...со времён Ломоносова именно они стремились быть учителями народа, предлагая ему услуги по духовно-нравственному окормлению и воспитанию. Веками жил русский человек, как учила его Святая Церковь, но вот возникает художественная литература – и через двести лет Христос низвергается, а на Его место поставляется новая учительница жизни – светская литература, и вместо Евангелия и творений святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста издаются миллиардными тиражами сочинения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Есенина и др. Так чего мы хотим? Какого духовного мира? Какого Христа в душе? Неужели это не очевидно, что до тех пор, пока Пушкин и Достоевский будут пророками России, до тех пор Ленин и Сталин будут её апостолами?... Литературно-художественная классика вновь и вновь рождает смятение в умах читающих её. Растлевающее влияние этой литературы на общество не прекращалось и не прекратится, оно

перманентно, как перманентна революция, оставленная без покаяния и осознания грехов, приведших к ней”.

Хорошо, что на это наступление фарисеев на нашу литературу обратила внимание “Литературная Россия”, опубликовав яркие статьи Андрея Тимофеева и Вячеслава Лютого, но что же остальные отмалчиваются?

Как отрицательный пример церковные фарисеи приводят икону известного иконописца архимандрита Зинова.

Но ведь Александр Пушкин на ней изображён не святым, а всего лишь собеседником своего современника святого Филарета Московского. В своём отзыве на эту икону православный русский писатель Александр Сегень пишет, что “Александр Сергеевич фигурирует на ней не в качестве святого, но в пропорциях, равных святому Филарету Московскому”. Что так оскорбило наших фарисеев? Два великих современника, знакомых друг с другом, беседуют о русском Слове. Селин видит оскорбление в лилии, помещённой на иконе, мол, это династическая эмблема Меровингов и Ротшильдов, логотип тайного общества “Приорат Сиона”, известный масонский знак. Я не могу спросить у уважаемого мною отца Зинова, что тот подразумевал под лилией, но и на иконах Благовещения архангел Гавриил предстаёт перед Девой Марией именно с этим цветком как символом чистоты.

Если уж речь зашла об иконах, не могу не выразить своего несогласия с нынешней упрощенческой иконописной трактовкой всех наших святых.

Из всей иконописи убрали святого Христофора Псеглавца, хотя он таким был в иконописи изначально. Лишь наши древлеправославные староверы сохранили в своих храмах пёсий лик знаменитого христианского мученика, незаслуженно позабытого синодальной церковью вместе с множеством древних обычаев, правил и порядков.

Данная икона вошла в иллюстрированную энциклопедию “Древности и духовные святыни старообрядчества” как одна из жемчужин Рогожской ризницы. А вот иным фрескам с изображением святого мученика Христофора в синодальных храмах не повезло – их просто замалевали. Также как нынешние неистовые мусульмане взрывают древние статуи Будды в Афганистане.

Я заметил, что у нынешних церковных фарисеев вообще тяга к изъятию всего животного мира из иконописи. Обратите внимание, наши самые любимые православные святые Пётр и Февронья Муромские, символ любви и крепкой семьи, тоже на современных иконах изображаются без неизбежного для них зайца. Лишь на старых иконах мы видим этого верного помощника Февроньи в её лечении страждущих.

Я рад, что на лучших памятниках Петру и Февроньи скульпторы не побоялись поместить и столь необходимого в этой истории зайца.

Вот так и с русской литературой, вдруг помешавшей нашим церковникам. Я сам – православный русский человек, но моей вере в Бога не мешают ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Шолохов, ни даже Иосиф Бродский.

Вряд ли, запретив читать художественные книги, тем самым церковные начётчики и фарисеи повернут взоры людей в Евангелию и к житиям святых отцов. И впрямь, “зачем нам тратить драгоценное время на чтение художественных вымыслов, которые, если характеризовать их прямо, должны называться не просто пустыми, но душевредными фантазиями”.

Эта спущенная откуда-то ересь о вреде русской классики, боюсь, чудовищным образом может отразиться на интересе к самому Православию у нашей молодёжи. То ли провокация, то ли глупость? Совсем ненужное соперничество.

А тем временем в самой современной литературе надо поднимать значимость замысла, надо стремиться соединять её с вечностью. Прочитал в “Завтра” великолепную духоподъёмную беседу двух своих старых товарищей, Александра Проханова и Александра Дугина, вся их беседа и была направлена на очищение Слова, на возвеличивание его. “Христос – это вечный Бог, который стал человеком. В нём время и вечность пересекаются. Для нас, христиан, вечность вполне конкретна – это Христос, это Бог. И Он пришёл вовремя. Он пришёл в человечество. Соответственно, Церковь и есть некое развёртывание послания вечности. Это вечная Церковь, которая живёт сквозь земную Церковь”, – заявил Дугин. Его мысль продолжил Проханов: “Вечность – это всегда новое. Любое соприкосновение с вечностью порождает ощущение абсолютного творческого импульса. То есть будущее не просто

содержится в вечности. Вечность давит на нас для того, чтобы мы это будущее создали. Вечность живёт нами, она не отдельна от нас”.

Потому Россия и является до сих пор душой мира, что она ещё не потеряла надежды на русское Слово. Не хочет ограничиваться бытовыми земными пределами естества. Очень верно Александр Дугин сказал: “Сегодня мы окружены, находимся в оккупации у низкопробной литературы. Русскую речь пытаются заполнить словесным сором и иноземной шелухой. При потворстве власти чужой дух ломится в наши школы и храмы, оболочивает дурманом наши святыни, проникает в души и сердца детей. Интеллектуальное оскудение и гуманитарная катастрофа нации – не пустые слова, беда стоит на пороге.

И почитать бы нашим министрам, авторам сплошь провальных реформ, “неистового Виссариона”, который чёрным по белому писал: “Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус...” Испокон веков русское слово помогало осуществить уникальные творческие замыслы, воплощалось в нетленных творениях гениев отечественной поэзии и прозы”.

Во имя этого русского слова нам и надо объединять все творческие силы, во имя русского слова, направленного на истинную веру. Не надо заталкивать поэтов и писателей в узкие группировки, пусть пишут по своему разумению, но при всех авангардных и традиционных формах они должны объединяться этой самой истинной верой.

Появились за последнее время с разных сторон сильнейшие произведения нового поколения писателей: в Петрозаводске – Дмитрий Новиков со своим романом “Голомяное пламя”, в Перми – Алексей Иванов с мощным полифоническим “Тоболом”, на Донбассе – Захар Прилепин с уникальной книгой “Взвод”, посвящённой великим русским писателям, прошедшим через офицерство и войны; Сергей Шаргунов с потрясшей многих книгой “1993”... У каждого свой путь, но надеюсь, приходит и понимание, что в одиночку, без объединяющей идейной основы наше общество не объединить.

Как писал Захар Прилепин: “Изменения, которые случились в последние три десятилетия с народами России и, в первую очередь, с русским народом – удивительны. Народ оказался сильнее и умнее пропаганды.

За эти годы страна получила в нагрузку тонны и тонны печатной продукции, посвящённой созданию “чёрного мифа” вокруг СССР и социализма.

На телевидении властвовал коллективный Сванидзе, эфирное время оккупировали бесконечные антисоветские сериалы, которые, надо сказать, снимают и по сей день.

Быть антисоветчиком во все эти годы означало быть модным, перспективным, милым власти... Больше половины россиян, согласно официальной статистике, желают переоценки эпохи “перестройки” и “ельцинских реформ”. И уж точно не хотят жить в той же системе, со всеми очевидными её издержками, как минимум – в виде социального неравенства и явной зависимости от мировых финансовых институтов; как максимум – в обществе, построенном на принципах стяжательства и конформизма.

Так почему же мы до сих пор пребываем в обществе, которое не отвечает чаяниям большинства?..

Потому что кто-то нам сказал, что коммунизм – это прошлое, что он уже был?

А либерализм – его что, не было? А национализм – его только что придумали?

Коммунизм – это одновременно и наша традиция, и наша единственная надежда на прорыв в будущее. Более того, коммунизм – это ещё и стремление к свободе, проявление воистину дерзких, вольнолюбивых, яростных качеств нашего национального характера.

Буйство донского казака Степана Тимофеевича Разина, удаль башкирского атамана Салавата Юлаева, декабристский идеализм, поэзия Маяковского и поэзия Есенина, партизаны Сидора Ковпака, улыбка Гагарина – это тоже коммунизм...

Помните, как у Есенина: “А Россия – вот это глыба... // Лишь бы только советская власть!”

Коммунизм – выбор народный.

Мы не раз видели в последние годы, где собираются люди во имя сохранения своей русской идентичности. Они собираются возле памятника Ленину.

Отстоявшие памятник сохраняют право говорить на русском языке, жить в пространстве национальной истории, гордиться своими победами, а не смотреть на факельные шествия.

Красное знамя над Россией неизбежно. Взяли рейхстаг – и здесь справимся. . .”

Здесь уже, как и в отношении к Сталину, призыв к коммунизму не есть призыв к возвращению брежневского уютного застоя, такого и быть не может. Это призыв к справедливости и реальному возрождению, без олигархов и коррупционеров. К тому же в разных формах призывает и современная русская литература.

Я вспомнил свою любимую поэму Александра Блока “Двенадцать”.

Убеждён, что это самая гениальная поэма на русском языке. Когда-то русский критик князь Святополк-Мирский сказал: “Если бы был передо мной выбор – оставить ли в вечности всю русскую литературу или только эту поэму, – я бы, по крайней мере, серьёзно задумался”. Показана в поэме революция во всех её проявлениях, и дурных, и героических, жизнь улицы, выведены самые разные народные типы, в том числе и поп (недаром Блока так не любит наша церковь):

*А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невесёлый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шёл вперёд,
И крестом сияло
Брюхо на народ?*

Хотя назвать эту поэму антихристианской я не осмелюсь, скорее – наоборот. Что и доказывает гениальная концовка поэмы:

*Так идут державным шагом —
Позади — голодный пёс,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

И смысл революции сразу же меняется. При всех её издержках, репрессиях и провалах, благодаря революции старый мир ушёл, и наступает новый мир, и впереди – Христос!

Кто только ни ругал нашего русского гения за такую концовку, и справа, и слева, какие только инсинуации не додумывали за поэта. К примеру, Андрей Вознесенский предложил считать, что это красноармейцы конвоируют Христа. . .

А сам Александр Блок в ответ на все претензии сказал: “Я сам понимаю, что там должен быть не Христос. Я вижу Христа, ничего не поделаешь. . .” Это и есть тот высший замысел, который даётся свыше, та Идея, которая делает русскую литературу великой. Это всё равно, как если бы человека, а то и всю страну лишить души, что и было сделано во время перестройки. Вот и остаётся высшей целью современной русской литературы необходимость обрести русскую Душу и дать народу русское Слово.